

Луис
Бромфилд

Ранняя
ОСЕНЬ

История одной леди

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б 88

Louis Bromfield
EARLY AUTUMN

Перевод с английского Евгении Янко

Серийное оформление Владимира Гусакова

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-31430-6

© Евгения Янко, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГЛАВА 1

1

В старом доме Пентландов давали бал, ибо впервые за последние сорок лет в семье появилась девушка, которую следовало представить благородному обществу Бостона и специально приглашенным гостям из Нью-Йорка и Филадельфии. По такому случаю Пентланд-Хаус щедро украсили фонарями и букетами поздних весенних цветов, а в пустом, белом и величественном коридоре, ведущем в главный зал, усадили предусмотрительно загороженный растениями негритянский оркестр, игравший свою шумную и дикую музыку.

Сибилле Пентланд исполнилось восемнадцать, и она недавно вернулась из Парижа, куда ее отправляли на учебу вопреки мнению консервативной родни, составлявшей немалую часть бостонского света. Ее пожилая тетюшка, миссис Кассандра Струтерс, дама довольно грозная, успела уже пройти по списку холостяков — кузенов и прочих свойственников с хорошей репутацией и достаточным состоянием, достойных внимания столь бесспорно богатой семьи, как Пентланды. Для этого и затеяли бал, куда при-

гласили всю округу — молодых и старых, бодрых и немощных, степенных и ветреных; но была и другая причина: следовало показать миру, что семейство, несмотря на нехватку молодых людей, не утратило своей влиятельности. Его слава, гремевшая некогда по всей стране, съежилась теперь до размеров Новой Англии, и нынче вряд ли кто слышал о Пентландах за ее пределами. Впрочем, можно сказать и иначе: это страна хлынула за пределы Новой Англии и семейства Пентландов, вытеснив их на обочину пути прогресса — прогресса неуправляемого, почти варварского и пренебрегавшего всем тем, что олицетворял собой старинный род Пентландов.

Дед Сибиллы позаботился, чтобы шампанского было вдосталь; столы ломились от салатов, холодных лобстеров, бутербродов и цыплят, скворчащих на блюдах с подогревом. Казалось, люди, всегда и во всем отличавшиеся бережливостью и осмотрительностью, внезапно поддались героическому порыву и решили блеснуть роскошью.

Однако же их широкий жест не удался. Негритянская музыка — необузданная, вдохновенная и шумная — была до неприличия неуместна в столь старинном и импозантном здании, как Пентланд-Хаус. Несколько джентльменов и дам, известных своим пристрастием к спиртному, выпили немало шампанского, но радости это никому не прибавило, и в зале, наоборот, сгустились скука и какое-то мертвое отчаяние. В комнатах, где некогда сживали, беседуя о жизни, добрый мистер Лонгфелло и бессмертные господа Эмер-

сон и Лоуэлл¹, нынешние богатые, помпезные и разряженные варвары выглядели странно. Пристальные взоры предков на украшавших стены зала портретах были мрачны, и музыка теряла всю свою живость и казалась чужой и нелепой в этом оазисе благопристойности. По углам сбились в кучки подвыпившие студенты, приехавшие из Кембриджа, но и там мало кто казался веселым. Шампанское пролилось на бесплодную почву. Вечеринка скисала на глазах.

Хотя торжество устраивалось в первую очередь для того, чтобы вывести Сибиллу Пентланд на матримониальный рынок, оно пригодились еще и для представления обществу Терезы Кэллендер, приехавшей на лето в Брук-Коттедж, который находился напротив Пентланд-Хауса, на другой стороне реки за каменистыми пастбищами; также на приеме появилась только что вернувшаяся в Дарем мать Терезы — личность гораздо более яркая и примечательная. Эта женщина хорошо знала городок и его окрестности: она родилась здесь, и все ее детство прошло под сенью креста на шпиле Даремского молельного дома. Но теперь, спустя двадцать лет, она явилась из мира, который горожане, то есть люди, окружавшие ее с колыбели, считали странным и вульгарным. Тот мир наполняли несуразные чужаки, и он ничуть не походил ни на тихий Пентланд-

¹ Генри Уодсворт Лонгфелло (1807–1882), Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882), Джеймс Рассел Лоуэлл (1819–1891) — американские поэты и мыслители. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Хаус, ни на большие рядные дома¹ Бикон-стрит и Коммонвелс-авеню². В сущности, именно Сабина Кэллендер и стала центром внимания на званом вечере: это на нее, а не на юных девушек, среди которых находились и ее собственная дочь, и Сибилла Пентланд, были обращены все взоры. Сабину заметили и старые знакомые, с любопытством гадавшие, где же провела она последние два десятка лет, и те, кто впервые увидел самую колоритную и притягательную гостью нынешнего бала.

Нет, ее не окружала толпа восхищенных юношей, мечтающих о танце. В конце концов, она была женщиной сорока шести лет и терпеть не могла молодых повес, сводящих все разговоры к тому, где раздобыть контрабанду, и к университетским клубам. То был успех особого рода, триумф безразличия.

Люди, подобные тетушке Кэсси Струтерс, помнили ее как скромную и неуклюжую девушку с ладными формами, некрасивым лицом и кирпично-рыжими волосами, из-за цвета которых двадцать лет назад бедняжку все дружно жалели. В те дни Сабина ужасно страдала на балах и ужинах и старательно избегала светской жизни, предпочитая ей уединение. И вот сейчас она вернулась: высокая, сорокашестилетняя, все с той же хорошей фигурой, с тем же длинным носом

¹ *Рядный дом* — тип малоэтажной застройки с расположенными в ряд жилыми домами с отдельными входами. При этом дома соединены между собой боковыми стенами.

² Улицы в Бостоне.

и близко посаженными зелеными глазами, однако настолько привлекательная и уверенная в себе, что сумела не только затмить более молодых и красивых дам, но и практически уничтожить совсем юных созданий в их воздушных бело-розовых платьях. Она вальяжно переходила из комнаты в комнату, здороваясь с теми, кто знал ее еще девочкой, и приветствуя знакомых, которых приобрела за время своей странной, независимой, кочевой жизни, начатой после развода. В самой ее походке чувствовалась надменность, пугавшая молодых и вселявшая в пожилых членов даремской общины (все они были объединены разной степенью родства) чувство крайнего раздражения. Сабина, прежде считавшаяся своей, казалась сейчас совершенной чужачкой, предательницей, что отбросила все жизненные правила, старательно внушавшиеся с младых ногтей неуклюжей рыжеволосой домашней девочке тетушкой Кэсси и прочими тетками и кузинами. Когда-то она жила в этом тесном мирке, но теперь вернулась освобожденной от его оков: женщина, которая вроде бы потерпела крах и выпала из своего класса, неприятно поразила даремцев тем, что вовсе не считала себя ущербной. Скорее наоборот: в светском обществе она стала «фигурой», окутанной притягательной дымкой таинственности; короче говоря, теперь она сама выбирала себе друзей из числа выдающихся и даже знаменитых людей. И это было истинной правдой, причем даремцы, подобные тете Кэсси, прекрасно это знали; оттого-то все одновременно инте-

ресовались Сабиной и негодовали по ее поводу. Ведь она повернулась к ним спиной, однако безжалостный рок не покарал ее за это; наоборот, она твердой рукой взяла бразды управления своей жизнью и привела ее к блестящему успеху, а такое простить нелегко.

Сабина шествовала по просторным комнатам, независимая и безупречная — от искусно уложенных блестящих волос до носочков серебряных туфель, уверенная в себе и осознающая свое совершенство, и ее манера держаться балансировала на грани дерзости. Яркое изумрудное платье и изящное бриллиантовое кольцо были настолько красивы, что на их фоне другие дамские наряды померкли и их обладательницы стали казаться неряшливыми простушками. Вне всякого сомнения, присутствие Сабины еще более омрачило атмосферу вечера. По надменному взгляду зеленых глаз и слегка презрительной улыбке на вызывающе накрашенных красных губах можно было понять, что женщина знает, какой эффект производит, и наслаждается своим триумфом. Куда бы она ни направлялась, непременно в сопровождении очередного снисходительно избранного ею спутника, ее появлению предшествовала легкая суматоха. Ей действительно мало кто радовался...

Если у Сабины и была соперница среди тех, кто наполнил нынче гулкий старинный особняк, то ею могла считаться разве что Оливия Пентланд, мать Сибиллы, которая тоже ходила по комнатам, но в основном в одиночестве, приглядывая

за гостями и прекрасно осознавая, что бал совершенно не удался. Она не отличалась ни броскостью, ни особым шармом и не поражала ничем, что могло бы соперничать со светским шиком зеленого платья, бриллиантов и искусной прически рыжеволосой Сабины Кэллендер; Оливия выглядела скорее мягкой, нежной и спокойной, а ее сдержанная красота открывалась не в один миг и не ослепляла. Вы не сразу выделили бы ее среди гостей, но вскоре начали бы ощущать ее присутствие, как если бы вдыхали очень тонкий, легчайший аромат. И вот наконец вы заметили... с некоторым трепетом... бледное лицо в обрамлении гладких черных волос, зачесанных назад и собранных на затылке в аккуратный пучок. Поймали чистый и искренний взгляд голубых глаз, порой, при определенном освещении, темнеющих до черноты; затем услышали ее голос — низкий, теплый, неизъяснимо манящий, поражающий сотней оттенков. А вот она рассмеялась, совсем как ребенок, над какой-то нелепицей. В Оливии мгновенно угадывалась благородная натура. И невозможно было поверить, что ей почти сорок и она мать Сибиллы и пятнадцатилетнего подростка.

Обстоятельства и присущая ей мудрость сделали Оливию женщиной, на первый взгляд, бездеятельной и непритязательной. Казалось, она управляется с любым делом спокойно и без усилий, однако при более близком знакомстве приходило понимание, что она видит и слышит все происходящее поблизости, улавливая не только

явное, понятное даже умам недалеким, но и те токи, что незримо перетекают от одного человека к другому. Она обладала чудесной способностью сглаживать неприятности. Ее окружала аура безопасности, присущая лишь чрезвычайно внимательным людям, и суетный мир вокруг нее невольно притихал и успокаивался. Тем не менее в самой Оливии присутствовало нечто неуловимо тревожное. В ней скрывалась тайна, некая чуть ли не потусторонняя отчужденность. Но чтобы ощутить эту подспудную тревогу, надо было провести с Оливией, под приятной сенью ее безмятежности, не один час. И тогда совершенно внезапно, как вспышка молнии, собеседника озаряла мысль о том, что женщина рядом, столь нежная и тихая, не является настоящей Оливией Пентланд, что она лишь мираж, а где-то глубоко, прячась за внешним очарованием, обитает незнакомка, чужая, печальная и, вероятно, очень одинокая. И на самом-то деле это в ее присутствии, а не рядом с блистательной и колючей Сабиной Кэллендер людям становилось по-настоящему не по себе.

Оливия переходила среди шума и суеты бала из одной просторной комнаты в другую, тихо беседовала с гостями, наблюдала за ними и заботилась о том, чтобы все было как надо; вместе с тем она, подобно всем остальным, оказалась заморожена бунтом и триумфом Сабинины, хотя ее и забавляло слегка детское бахвальство сорокашестилетней дамы — умной, независимой, даже

выдающейся и уж точно не нуждающейся в бравовании своими успехами.

Оливия смотрела на Сабину, которую знала довольно близко, и думала, что за доспехами, прекрасно сработанными парикмахером, модисткой и ювелиром, скрывается прежняя рыжеволосая девчушка, явившаяся сюда ради мести и мечтающая растоптать предрассудки и уклад таких людей, как тетя Кэсси, Джон Пентланд и кузен Струтерс Смоллвуд, доктор богословия, давным-давно прозванный той же бунтаркой Апостолом Джентльменов. Оливии казалось, что и после двадцати лет, проведенных вне этого города, Сабина продолжает опасаться как самих даремцев, так и той странной, непобедимой силы, олицетворением коей они являются.

Но Сабина тоже внимательно приглядывалась к происходящему на приеме. Оливия весь вечер смотрела, как гостя пожирает глазами всех и вся, и не сомневалась, что, вернувшись завтра в Брук-Коттедж, она сможет в деталях описать нынешний бал, ибо страстно жаждет исследовать жизнь. За непроницаемой маской равнодушия таился вечный и пылкий интерес к переплетениям человеческих судеб. Сабина однажды сама охарактеризовала его как «проклятие анализа, вытягивающего радость из жизни».

Сабина искренне нравилась Оливии, видевшей в ней уникальное и довольно занятное создание, которое превратило истину и правду в фетиш. Оливия часто использовала свой ум (а она

была по-настоящему умна) для того, чтобы разобраться в какой-нибудь безнадежно запутанной ситуации, стараясь разложить ее на части и тем самым выявить суть, ясную, простую и нередко горькую, ибо правда не всегда сладка и приятна.

2

Никто так тяжело не страдал от триумфального возвращения Сабины в родные пенаты, как неукротимая тетушка Кэсси. В каком-то смысле она всегда относилась к Сабине как к своей собственности (даже когда та надолго покинула прекрасный Дарем, отправившись в добровольную ссылку), примерно так же, как относилась бы к собаке, если, конечно, допустить, что пожилая леди согласилась бы терпеть рядом с собой столь нечистое животное. У самой миссис Струтерс детей не было, поэтому все выстроенные в ее голове теории воспитания она обрушила на осиротевшую дочку деверя.

В данную минуту старуха восседала на площадке в середине белой лестницы и суровым взглядом голубых глаз обозревала танцующих, еле заметно выражая свое неодобрение. Ее раздражала громкая музыка, а румяна и пудра на лицах девушек представлялись признаком вульгарности и непотребности. «С таким же успехом можно чистить зубы за обеденным столом». Она мысленно сравнивала этот званый вечер с балом, дававшимся в ее честь сорок лет тому назад и через некоторое время принесшим плоды в виде

брачных уз с мистером Струтерсом. Облаченная в недорогое (ибо Кассандра Струтерс считала делом принципа жить исключительно на свои доходы) траурное платье, скорбящая по умершему восемь лет назад мужу, дама напоминала преисполненную достоинства и легкой нервозности ворону, усевшуюся на забор.

Увидев ее посреди лестницы вместе с неизменной компаньонкой мисс Пиви, Сабина не преминула заметить, что они напоминают дуэт вороны и голубя-дутьша. Мисс Пиви была не просто толстой, а шарообразной: такое случается с женщинами, от природы склонным к полноте, даже если они питаются одними опилками и чистой водой; она появилась в семействе тридцать лет назад в качестве компаньонки, а вернее, своего рода рабыни, нанятой, чтобы развлекать тетюшку Кэсси во время ее затяжной болезни. С тех пор они не расставались, и мисс Пиви постепенно заменила для миссис Струтерс как безвременного ушедшего мужа, так и нерожденных детей.

Хотя мисс Пиви чем-то походила на ребенка — некоторые даже уверяли, будто бедняжка не блещет умом, — однако же они с тетей Кэсси составляли идеальную пару: компаньонка была послушна как дитя и полностью зависима в смысле финансов. Кассандра Струтерс, в свою очередь, платила ей достаточно, чтобы помочь пережить крах магазинчика в Бостоне, торговавшего «художественной» керамикой. Мисс Пиви была леда — пусть и без гроша в кармане, но зато с очень «хорошими связями голубя-дутьша» в городе.

К шестидесяти годам она слишком отяжелела для своих птичьих ножек и потому передвигалась с крайней неохотой. Сегодня она втиснула себя в отчаянно нарядное платье с кружевом, блестками и позументами, в стиле, который, как уверяли ее в далекой юности, необыкновенно ей шел. Тронутые сединой волосы мисс Пиви были пострижены клочками, коротко и неровно; впрочем, короткие стрижки начали считаться шиком лишь в последнее время, а когда десять лет назад мисс Пиви укоротила волосы, поддавшись внезапному, но тщетному порыву вырваться из-под гнета тети Кэсси и зажить собственной жизнью, про такие прически никто и не слыхивал. Ее слабая попытка уйти обернулась скорым возвращением: скудные сбережения иссякли, впереди маячило банкротство; тетя Кэсси встретила беглянку сдержанными вздохами и брюзжанием, как если бы к ней вернулось раскаявшееся блудное дитя. И мисс Пиви так и осталась играть эту роль, отказавшись от любого сопротивления. Она целиком и полностью подчинилась тете Кэсси: шла, куда та прикажет, делала, что попросят, и выслушивала все подряд, когда поблизости не находилось более достойного собеседника.

Завидев зеленое платье и рыжие волосы Сабины, проплывающие по залу под ними, тетушка Кэсси, блеснув глазами, проговорила:

— Кажется, Сабина переживает из-за дочери. Девочка не пользуется успехом, и меня это не удивляет. Бедняжка такая некрасивая. И кожа у нее смуглая — наверное, в отца. В нем текла гре-

ческая и французская кровь... Правда, Сабина и сама в юности была не то чтобы популярна.

Тут она в сотый раз пустилась в воспоминания о мало кому известных обстоятельствах несчастного замужества и развода Сабины, пережевывая мельчайшие подробности и разбавляя свой рассказ домыслами и набожными восклицаниями, ибо в понимании тети Кэсси ничто в мире не происходило без Божьего ведома. Бог, по ее мнению, сыпал испытаниями и благословениями направо и налево и был ответственен за все на свете.

На самом деле тетушка немного злилась на Сабину за то, что их встреча парой дней ранее увенчалась торжеством последней. Тетя Кэсси редко кого ставила на одну доску с собой, но когда она вдруг сталкивалась с таким человеком, то не забывала о нем до тех пор, пока не одерживала окончательную победу над противником. С мисс Пиви она могла быть полностью откровенной, ведь эта пухлая и одряхлевшая старая дева стала кем-то вроде исповедника, в присутствии которого миссис Струтерс сбрасывала маску. Она частенько приговаривала: «Это же мисс Пиви. Она не в счет».

— По-моему, Сабине не хватает смирения, она слишком увлечена делами света. В ней не осталось ничего от той скромной девушки, какой она от меня уехала. — Тут женщина глубоко вздохнула и продолжила: — Ну да не нам ее судить. Думаю, она настрадалась, и мне жаль ее до глубины души!

Во всех речах, в каждой фразе тети Кэсси присутствовал легкий театральный надрыв, будто она старалась подернуть предмет обсуждения мелодраматическим флером. Ни словечка в простоте! Она говорила обо всем, от банки сметаны до смерти мужа, с преувеличенным пафосом, идущим из самых недр души.

Однако мисс Пиви в ответ лишь промолчала; забывшись от восторга, она глядела на молодых людей. Широко распахнутые круглые глазки за стеклами пенсне лучились нерастраченным пылом девицы, всю жизнь проходившей в компаньонках. В такие моменты тетушка Кэсси сомневалась в ее умственных способностях и иногда даже говорила ей об этом.

Но на сей раз пожилая леди просто продолжила:

— Оливия нынче тоже выглядит не лучшим образом... Усталая какая-то, измотанная. Не нравятся мне эти круги у нее под глазами... Я уже давно вижу, что ее что-то беспокоит.

Легкомысленная от природы мисс Пиви по-прежнему упоенно наблюдала за девушками, столь сильно отличавшимися от девушек ее юности; вдобавок ее заворожило зрелище того, как мистер Хоскинс, сентиментальный толстяк средних лет, перебравший с шампанским, пытается флиртовать с терпеливой Оливией. Увлеченная этим спектаклем мисс Пиви не видела больше ничего вокруг себя. Она не замечала, какими взглядами одаривала ее тетя Кэсси, а ведь эти взгляды

недвусмысленно намекали: «Ну погоди, вот останемся мы наедине!»

Некоторое время миссис Струтерс размышляла над, по ее выражению, «странным поведением Оливии». Впервые она заметила неладное пару месяцев назад, когда пришла в Пентланд-Хаус с обычным утренним визитом, а Оливия неожиданно расплакалась прямо посреди разговора и покинула комнату без всякого объяснения. Дальше стало только хуже: тетя Кэсси чувствовала, что Оливия ускользает из-под ее влияния и все меньше прислушивается к добрым советам. Взять хотя бы этот бал. Оливия словно не понимала, что надо быть бережливее, и теперь тетя Кэсси страдала так, будто это не шампанское лилось рекой, а кровь из ее вен. Подумать только! Ведь уже целых сто лет, с тех самых пор как Савина Пентланд купила парюру¹ с жемчугом и изумрудами, Пентланды не выбрасывали столько денег из пустой прихоти.

А еще она не одобряла молоджавость Оливии и Сабины. Женщинам их возраста не подобает выглядеть столь юными и свежими. В этом есть нечто вульгарное, даже чуть-чуть неприличное: нельзя Сабине в ее сорок шесть выглядеть на тридцать пять. Сама тетя Кэсси в тридцать смотрелась женщиной средних лет и с того времени почти не изменилась. В свои шестьдесят пять, бездетная и одинокая (если, конечно, не брать в расчет мисс Пиви), она была такой же, как

¹ *Парюра* — набор ювелирных украшений в едином стиле.

в тридцать, когда выступала в роли жены «несносного мистера Струтерса». Единственной переменной в ее жизни стало чудесное избавление от хронической болезни, случившееся одновременно с кончиной мужа.

Она так и не смогла простить Оливии то, что та была чужачкой, попавшей в запутанные сети жизней Пентландов не откуда-нибудь, а из Чикаго. Все эти годы женщину окутывала вуаль тайны и некой инородности. Конечно, никто и не ожидал, что Оливия сможет до конца проникнуться всей значимостью вхождения в семью, чья история так тесно связана с историей колонии Массачусетского залива и с жизнью Бостона. разве для Оливии было важно, что мистер Лонгфелло, мистер Лоуэлл и доктор Холмс¹ нередко неделями гостили в Пентланд-Хаусе? А то, что сам мистер Эмерсон заезжал к ним на выходных? И все же (тетушка Кэсси готова была это признать) Оливия вела себя на удивление достойно. Ей хватило мудрости осмотреться и выждать, а не нестись вперед сломя голову, совершая одну ошибку за другой.

Но тут, посреди этих размышлений, появилась и сама Оливия, которая шла к лестнице вместе с Сабиной. Обе над чем-то смеялись: Сабина — с хитрецей и ехидцей, как она умела, а Оливия озорно и с каким-то подозрительным огоньком в глазах. Тетя Кэсси сразу подумала недоброе,

¹ Оливер Уэнделл Холмс-старший (1809–1894) — врач, поэт и писатель, возможный прототип Шерлока Холмса.

Бромфилд Л.

Б 88 Ранняя осень : История одной леди : роман / Луис Бромфилд ; пер. с англ. Е. Янко. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 416 с. — (Настроение читать).

ISBN 978-5-389-31430-6

В старинном особняке Пентланд-Хаус на стенах бесконечной галереи висят портреты суровых представителей высшего общества Новой Англии. То были истинные владельцы города Дарема и его округа, недостижимые в своем величии. Нынешнее поколение семейства Пентланд из всех сил старается сохранить эту репутацию, однако их мир стремительно приходит в упадок. Оливии Пентланд вот-вот исполнится сорок лет. Она с трудом терпит своего чопорного мужа, их сын неизлечимо болен, а дочь влюблена в юношу, который пользуется дурной славой. Оливия ощущает, что осень ее жизни уже наступила, а вскоре придет и зима. Успеет ли она узнать, что такое настоящее счастье? Возможно, ответ на этот вопрос знает ее кузина, дерзкая, экстравагантная, рыжеволосая Сабина Кэллендер, внезапно вернувшаяся из Европы...

Роман известного американского писателя Луиса Бромфилда «Ранняя осень» был опубликован в 1926 году и принес автору международную славу. Спустя год роман был награжден Пулитцеровской премией.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сос)-44

ЛУИС БРОМФИЛД
РАННЯЯ ОСЕНЬ
ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЕДИ

Ответственный редактор Кирилл Красник

Редактор Инна Безрукова

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Гузель Зайдуллина, Нина Писковитина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.06.2026.

Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-NAM-40671-01-R